

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/42/4

Е.В. Марковичева, И.Г. Смирнова

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассмотрены способы разрешения противоречий между обеспечением социального дистанцирования в условиях пандемии COVID-19 и правом граждан на доступ к правосудию, а также перспективные направления цифровизации: применение цифровых технологий для расследования преступлений, доказывание по уголовным делам, оптимизация рутинных процессов в уголовном деле и использование искусственного интеллекта в принятии процессуальных решений. Предложены условия дальнейшей цифровизации уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; пандемия COVID-19; суд; цифровые технологии; электронное правосудие; электронное уголовное дело

Отличительной особенностью юридической науки последнего десятилетия стало активное обсуждение проблем цифровизации различных видов судопроизводства. Находясь на пороге четвертой промышленной революции (*The Fourth Industrial Revolution*), предполагающей проникновение искусственного интеллекта и других современных технологий во все сферы жизни общества, человечество закономерно задумывается о необходимости адаптации правовых систем к функционированию в условиях подобных революционных трансформаций, так как «на современном этапе невозможно ограничиться лишь констатацией воздействия технологического фактора на общественные отношения – цифровые технологии преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты» [1. С. 6]. Однако переход к Индустрии 4.0 способен не только решить ряд проблем, но и значительно увеличить риски, связанные с обеспечением прав человека, его безопасностью. Понимание того, что революция всегда несет некое деструктивное начало, в совокупности с затратностью цифровизации отдельных сфер общественной жизни привело к ситуации, в которой государства стали значительно отличаться друг от друга по степени информационной насыщенности правоприменительной деятельности. В более выигрышном положении оказались те страны, в которых общей тенденцией стало активное использование электронных сервисов для предоставления услуг населению. Однако процессы информатизации правовой жизни идут медленно и нелинейно, что обусловлено объективными причинами: отставанием нормативно-правовой базы от уровня развития цифровых технологий, ограниченными техническими возможностями обеспечения доступа к такого рода сервисам и недостаточным уровнем цифровой культуры определенной части населения.

В условиях, когда развитие институтов цифровой экономики приобретает характер государственного приоритета, меняется судебная система, которая получает шанс избавиться от традиционных недостатков, например проблем с транспарентностью правосудия или медлительностью судопроизводства. Так, в связи с необходимостью соблюдения в суде требований, предусмотренных постановлениями Главного государственного санитарного врача РФ, в арбитражных судах г. Москвы при рассмотрении дел допускается не более трех человек.

Что касается новых технологий, то в большей степени они проникают в гражданское и административное судопроизводство, в меньшей – в уголовное [2]. Подобная диспропорция присуща большинству государств, в том числе и тем, которые на протяжении последних двадцати лет активно насыщали деятельность судов информационными технологиями. Именно в уголовном судопроизводстве транспарентность правосудия подвергается большим ограничениям, с помощью которых законодатель пытается решить зачастую неизбежный конфликт между правом каждого на открытое и гласное независимое правосудие и правом следственных органов и суда ограничить доступ к информации по расследуемому или рассматриваемому уголовному делу как в публичных интересах, так и в интересах безопасности отдельных лиц. Такая ситуация делает невозможным автоматический неадаптированный перенос современных технологий, хорошо себя зарекомендовавших в рамках гражданского или арбитражного процесса, в уголовный. Вместе с тем нельзя не признать, что именно уголовное судопроизводство подвергается значительным изменениям в плане цифровизации, поскольку преступная деятельность также трансформируется и меняет свой характер. В XXI столетии человечество прошло значительный путь от фигурирования мобильного телефона в единичных уголовных делах до ситуации, когда редкое уголовное дело обходится без информации, полученной из мобильного устройства. Более того, исследователи в сфере уголовного права уже высказывают суждения относительно необходимости выделения новых групп преступлений, связанных с использованием робототехники, нейронных сетей и искусственного интеллекта [3]. Организованная преступность, террористические группы активно используют киберпространство для географического расширения поля своей деятельности и ухода от контроля правоохранительных органов; одновременно идет формирование рынка услуг профессиональных киберпреступников [4. Р. 15–20]. Криминологи, изучая опыт отдельных государств по использованию современных информационных технологий «для предупреждения преступности, а также для максимально быстрого реагирования на совершаемые преступления», обоснованно отмечают, что «государство должно быть заинтересовано в использовании искусственного интеллекта в предупредительной деятельности» [5. С. 108].

К сожалению, процесс поиска разумного баланса между интересами государства, гражданского общества и личности при цифровизации уголовного правосудия пока в значительной мере отстает от стремительного

развития новых технологий. С одной стороны, можно говорить о формировании в последние годы общей тенденции к более активному использованию в судопроизводстве достижений цифровой революции. С другой стороны, существует значительный разрыв между степенью цифровизации не только на уровне отдельных видов судопроизводства, но и на уровне судебных систем отдельных государств, когда на одном полюсе находится достаточно интенсивная информатизация правосудия в Сингапуре, а на другом – консерватизм судопроизводства в странах континентальной Европы. Но независимо от национальных возможностей по информационно-технической модернизации правосудия преобладающим стал достаточно осторожный подход, поскольку судебная власть – консервативный институт, обеспечивающий верховенство закона и защиту конституционных прав. Именно поэтому основная задача, лежащая в практической плоскости, – установить справедливый баланс между консервативным уголовным судопроизводством и современными технологиями, трансформирующими его [6].

В российской уголовно-процессуальной науке оформилось несколько направлений, связанных с исследованиями влияния цифровизации на уголовное судопроизводство. Одни исследователи акцентировали свое внимание на оптимизации уголовного процесса через введение электронного уголовного дела [7], другие – на проблемах использования цифровых доказательств [8, 9], третьи – на вопросах использования современных технологий для оптимизации процесса рассмотрения уголовного дела судом [10]. При этом ряд авторов считают проблему цифровизации уголовного процесса переоцененной [11], а их оппоненты видят в ней источник «процессуальной революции» [12]. Но в целом отечественные ученые, так же как и их зарубежные коллеги, демонстрировали достаточно осторожный и взвешенный подход к данной проблеме.

Однако пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020 г., заставила задуматься о необходимости цифровизации уголовного судопроизводства даже консервативных европейских юристов, осознавших, что ускорение цифровизации судопроизводства может существенно облегчить преодоление пандемического кризиса¹. Действительно, внезапно возникшая угроза жизни и здоровью людей и принятые государствами те или иные меры социального дистанцирования оказали негативное, а иногда и парализующее воздействие на деятельность большинства публичных институтов. Как задержанному подозреваемому предстать перед судом, если привычная работа суда приостановлена, а дистанционный доступ к участию в судебном заседании невозможен по причине технической неподготовленности суда? Как обеспечить разумный срок уголовного судопроизводства в условиях, когда не только на длительный период откладывается судебное разбирательство, но и невозможно производство отдельных следственных действий, например допроса свидетелей, находящихся в карантинной изоляции? Обеспечение

¹ Pandemic may finally push Germany's courts into 21st Century. URL: <https://www.seattletimes.com/nation-world/pandemic-may-finally-push-germanys-courts-into-21st-century/>

прав участников уголовного процесса, решение общих задач, связанных с расследованием и рассмотрением уголовных дел, вступили в противоречие с правом каждого на здоровье и безопасность. И последнее получило очевидный приоритет. Поэтому, например, испанские суды приостановили рассмотрение дел об аресте подозреваемых, ограничив их лишь исключительными случаями, а суды Германии по постановленным в 2020 г. приговорам, где назначено наказание не более трех лет лишения свободы, отложили начало исполнения наказания до 15 июля 2020 г.¹ Немецкое уголовно-процессуальное законодательство оказалось недостаточно адаптированным к пандемическим условиям, поэтому был подготовлен законопроект, вносящий соответствующие поправки в части расширения оснований приостановления судебного разбирательства по уголовным делам².

Суды большинства государств оказались перед непростым выбором между необходимостью обеспечить полноценное рассмотрение уголовных дел в разумные сроки в законном порядке, но при этом создать угрозу жизни и здоровью участников процесса, судей и сотрудников суда, и возможностью отложения рассмотрения дел до улучшения эпидемической обстановки.

К середине 2020 г. стало очевидным, что пандемическая угроза сохранится на неопределенный период времени, а единственным разумным ответом на поставленные выше и другие вопросы станет цифровизация уголовного процесса. Такой вывод логично вытекает из предварительного анализа опыта отдельных государств по обеспечению уголовного судопроизводства в условиях карантинных ограничений. Неслучайно Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы в специальной Декларации от 10 июня 2020 г. указала на важность обеспечения бесперебойности правосудия и предложила более активно использовать для этого ресурсы дистанционного доступа к правосудию, одновременно повышать уровень технической компетентности судей и работников суда и обеспечивать соответствующую информационно-техническую поддержку граждан³.

Однако необходимо сделать оговорку. Пандемическая угроза оказалась столь неожиданной, что независимо от уровня цифровизации судопроизводства большинство государств оказались на одинаково проблемных стартовых позициях. Зачастую судебные системы были технически не готовы к применению дистанционных сервисов, обеспечивающих гражданам доступ к правосудию. Сказались и нежелание инвестировать в информати-

¹ Coronavirus: how have courts across Europe responded? URL: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/guides/coronavirus-courts-response-europe>

² Germany: COVID-19 And Its Impact On Criminal Procedure And Criminal Law. URL: <https://www.mondaq.com/germany/operational-impacts-and-strategy/918528/covid-19-and-its-impact-on-criminal-procedure-and-criminal-law>

³ Lessons learnt and challenges faced by the judiciary during and after the COVID-19 pandemic: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ). Ad hoc virtual CEPEJ plenary meeting Wednesday 10 June 2020. Official site of the Council of Europe. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn-?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0_gnihh1viiieabmturo-uzkz64s_xjxrj6q

зацию судов, и консерватизм правоприменителей, и недостаточный уровень цифровой грамотности как правоприменителей, так и определенной части населения, но в большей степени их применение тормозило отсутствие соответствующей нормативной базы, поскольку даже в условиях чрезвычайных ситуаций уголовное судопроизводство должно иметь законный, а не чрезвычайный характер. В силу этого обстоятельства рассмотрение уголовных дел оказалось затруднительным что в Эстонии, где за 15 лет удалось добиться высокого уровня информатизации судов¹, что в Германии, где информатизация уголовного процесса идет достаточно медленно. Хотя специалисты позитивно оценивают попытки немецкого законодателя оптимизировать производство по уголовным делам за счет легализации постепенного перехода к электронному документообороту [13. С. 217], фактическая реализация программы информатизации идет медленно, и дистанционные технологии видеоконференцсвязи доступны только в отдельных судах. В итоге в апреле 2020 г. некоторые немецкие суды рассматривали в день лишь по четыре уголовных дела, причем неотложного характера, вместо обычных пятнадцати². Коронавирусный кризис еще больше усугубил непростую ситуацию с немецкой уголовной юстицией, на которую за последние годы существенно возросла нагрузка, затруднившая соблюдение процессуальных сроков, и заставил юридическое сообщество настаивать на существенном увеличении штатной численности судей и прокуроров и скорейшем улучшении технической оснащенности судебной системы.

Однако постепенно государства, которые ранее уделяли больше внимания именно цифровизации судопроизводства, стали демонстрировать позитивную динамику в отправлении правосудия по уголовным делам. Только с 18 марта по 20 апреля 2020 г. российские суды провели 8 тыс. судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи³. Как отмечают О.И. Андреева и О.В. Качалова, «в отличие от органов, осуществляющих предварительное расследование, суды оказались более подготовленными к возникшей ситуации. В судах имелся опыт проведения судебных действий посредством видеоконференцсвязи» [14. С. 7]. Хорошая техническая и нормативная подготовленность Республики Казахстан к функционированию системы правосудия с использованием современных технологий позволила судам в период пандемии по рекомендации Верховного Суда Республики Казахстан перейти преимущественно на дистанционный режим работы и рассматривать «удаленно» дела, в том числе и уголовные⁴.

¹ Court Information System // Centre of Registers and Information Systems. URL: <https://www.rik.ee/en/international/court-information-system>

² Rechtsanwaltssozietät Liebert & Röth. URL: <https://www.liebert-roeth.de/de/rechtsgebiete/strafrecht/174-wie-geht-die-berliner-strafjustiz-mit-der-corona-pandemie-um>

³ Работа отечественных судов в условиях пандемии // Верховный Суд РФ. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28858/

⁴ Суды Казахстана перешли на дистанционный формат работы из-за режима ЧП // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/sudy-kazahstana-pereshli-na-distancionnyy-format-raboty-iz-za-rezhima-chp>

К сожалению, очень сложно оценивать деятельность правоприменительных органов, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам, в связи с отсутствием достаточной информации и их определенной ведомственной изолированностью. Поэтому на данный момент воздержимся от каких-либо значимых выводов, хотя степень цифровизации этих органов нередко значительно ниже судебной. С одной стороны, можно обоснованно предположить, что в той же Республике Казахстан, где уголовное судопроизводство функционирует с применением системы электронного уголовного дела, риски нарушения сроков производства и обеспечения прав участников будут ниже, поскольку такой механизм создает дополнительные гарантии прав участников процесса, состязательности процесса, обеспечивает возможность дистанционно ознакомиться с материалами уголовного дела и заявлять ходатайства [15].

С другой стороны, эти риски не могут быть полностью устранены в силу целого ряда причин, к которым можно отнести и внезапность кризисной эпидемиологической ситуации, и недостаточную техническую оснащенность следственных органов, и их ведомственную разобщенность, и напряженное отношение правоприменителей и населения к цифровизации и др. [16]. Эти причины должны быть подвергнуты исследованию и системному анализу, результаты которого и станут основой для продуманной и обоснованной цифровой трансформации деятельности органов предварительного расследования. При этом необходимо понимать пределы действия того или иного компенсаторного механизма в условиях нестандартной ситуации. Безусловно, введение в уголовный процесс Казахстана дистанционного допроса и законодательное закрепление его порядка является весьма прогрессивным шагом [17]. Однако его процедура, закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, плохо коррелирует требованиям социального дистанцирования в условиях пандемии и не исключает возникновения ситуаций, когда «права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовный процесс, находятся под угрозой», которые описывают О.А. Андреева и О.В. Качалова, анализируя проблемы российского досудебного производства по уголовным делам весной 2020 г. [14. С. 6].

Чрезвычайность пандемической ситуации поставила на повестку дня и вопрос о законности использования тех или иных достижений информационного общества в уголовном судопроизводстве. Иными словами, наличие угрозы высокого уровня для жизни и безопасности граждан не может служить основанием для отхода от базовых уголовно-процессуальных принципов, в первую очередь принципов законности и презумпции невиновности. Соответствует ли принципу законности использование для проведения дистанционного допроса мессенджеров, если это прямо не предусмотрено законодательством? Допустим ли такой массовый дистанционный допрос, если он также не закреплен нормативно, или закреплен, но для ограниченных случаев? Ответы на эти и подобные вопросы в настоящее время активно ищут как ученые, так и правоприменители. Однако уже сейчас очевидно, что любая пробельность или схематичность в нормативном регулировании

использования информационных технологий несет риск трансформации уголовного судопроизводства из ординарного в чрезвычайное, а соответственно, и риск нарушения прав и законных интересов участников процесса. К сожалению, российское уголовно-процессуальное законодательство может служить иллюстрацией такого пробельного правового регулирования. С одной стороны, есть легальная процедура проведения судебного заседания с использованием видеоконференцсвязи, с другой – процессуальный порядок ее применения урегулирован крайне неудовлетворительно, что мешает ее активному применению не меньше, чем имеющиеся технические проблемы [19].

Так же остро стоит проблема соблюдения еще одного фундаментально-го принципа уголовного судопроизводства – права на защиту. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» порядок реализации данного конституционного права определяется УПК РФ с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ и практики ЕСПЧ. Вместе с тем, согласно предостережению Прокуратуры Иркутской области от 6 апреля 2020 г. начальству ФКУ СИЗО-1 было предписано ограничить посещение учреждений ГУ ФСИН России по Иркутской области не только представителями федеральных органов исполнительной власти, общественных наблюдательных комиссий, но и адвокатами. В результате без введения карантина на территории СИЗО-1, независимо от состояния здоровья адвоката с 13 апреля 2020 г. был полностью прекращен доступ адвокатов для встреч с клиентами, содержащимися в следственном изоляторе. Бесспорно, ни акты органов прокуратуры, ни решения должностных лиц учреждений ГУ ФСИН не могут регулировать (и тем более ограничивать) вопросы реализации права на защиту. Тем не менее правоприменительная практика в сложных эпидемиологических условиях сложилась без учета соблюдения данного права в ходе производства по уголовному делу.

Хотя специфика уголовно-процессуальной деятельности изначально сужает рамки цифровизации уголовного процесса в сравнении с другими видами процесса, можно выделить несколько исследовательских направлений, дальнейшая разработка которых может быть продуктивной для качественного преобразования уголовного процесса и адаптации его к полноценному функционированию в условиях цифрового общества, в том числе в условиях различных социальных ограничений чрезвычайного характера. Выделим четыре таких направления.

1. Использование цифровых технологий в раскрытии преступлений, установлении лиц, причастных к их совершению, снижение риска рецидива и совершения повторных правонарушений. Данная проблематика достаточно активно исследуется как зарубежными, так и российскими учеными. Использование нейронных сетей позволяет вывести современную криминологию и криминалистику на новый уровень, а термин *Digital Criminology* все чаще встречается как в научных, так и в научно-практических работах.

Согласимся с исследователями в том, что современный тренд на цифровизацию всех сторон общественной жизни способен расширить границы теоретических и эмпирических криминологических исследований и вывести «киберкриминологию» на новый уровень [20]. Благодаря таким разработкам криминология может исследовать преступность и девиантность как техносциальные практики в цифровом обществе, в котором постоянно сокращается разрыв между онлайн- и офлайн-обществом. Во многих государствах полиция уже использует большие данные (Big Data), машинное обучение и предикативную аналитику для понимания преступности и борьбы с ней. Например, полиция Чикаго использует современные технологии в предупреждении преступности, что позволило добиться снижения ее отдельных видов: используемая система проактивного патрулирования на базе Интернета HunchLab, в основе которой лежат статистические модели, позволяет прогнозировать время и место совершения преступления и помогает в поиске наилучшего способа реагирования [18].

Данное направление несет в себе значительный потенциал, однако использование цифровых технологий в превентивных целях – это всегда определенные риски, связанные с несанкционированным вмешательством в частную жизнь и нарушениями прав человека. Например, согласно Всемирному докладу неправительственной организации Human Rights Watch, опубликованному в 2019 г., правительство Китая с 2016 г. использовало систему электронного мониторинга в провинции Синьцзян в целях осуществления дискриминационного социального контроля за 13 млн этнических уйгуров и других тюркских мусульман¹. Однако наличие таких рисков не может быть препятствием для изучения возможностей цифровых технологий в корреляции уровня преступности в отдельных государствах.

2. К первому направлению непосредственно примыкает (а часто и неразрывно с ним связано) второе научно-практическое направление – разработка киберкриминалистической проблематики и вопросов использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве. Цифровое общество не только создает информационные сервисы и услуги, ориентированные на удовлетворение законных интересов населения, но и меняет саму преступность, переводя ее в киберпространство. Развитие интернет-технологий, мобильных услуг, качественное преобразование целых секторов экономики и уход их в онлайн привели к активному распространению новых видов преступлений. Если в начале XXI в. мобильный телефон фигурировал в рамках редкого уголовного дела, то за прошедшие 20 лет картина принципиально изменилась. Исследователи вполне обоснованно указывают, что современное понятие «компьютерная преступность» охватывает значительный спектр преступных посягательств, и «при этом компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети, средства

¹ China's Algorithms of Repression Reverse Engineering a Xinjiang Police Mass Surveillance App. URL: <https://www.hrw.org/report/2019/05/02/chinas-algorithms-repression/reverse-engineering-xinjiang-police-mass>.

создания, хранения, обработки, передачи компьютерной информации (компьютеры, смартфоны, айфоны, кассовые аппараты, банкоматы, платежные терминалы и иные компьютерные устройства) являются не только предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления» [21. С. 51].

Развитие киберпреступности закономерно влечет проблему получения и использования цифровых доказательств при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Одни ученые определяют цифровые доказательства как всю информацию, имеющую доказательственное значение, хранящуюся или передающуюся с помощью медиа- и мультимедиаканалов [22], другие – как особый вид вещественных доказательств или иных документов [23, 24]. Представляется, что актуальной задачей, решение которой может быть осуществлено в рамках данного направления, является подготовка научно обоснованных предложений законодателю по обеспечению законности всей процессуальной деятельности, так или иначе связанной с работой с такими доказательствами. Тем более что уже предпринимаются первые попытки регулирования этих вопросов на межгосударственном уровне, в частности на уровне Совета Европы [25].

3. Третье направление преимущественно связано с использованием возможностей цифровых технологий в снижении нагрузки на субъекты уголовно-процессуальной деятельности, оптимизации их взаимодействия и ускорения производства по уголовным делам. В какой-то степени информатизация уголовного процесса может обеспечить процессуальную экономию, снизить «рутинную» нагрузку на правоприменителя, «уйти от бумажной волокиты, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, необоснованного приостановления и прекращения дел» [26. С. 70]. В рамках данного направления исследуются возможности ведения производства по уголовному делу в электронном виде, аудио- и видеопроколирования судебных заседаний, подачи процессуальных документов в электронном виде, видеоконференцсвязи и веб-связи. Уровень такой информатизации варьирует от государства к государству. В российском уголовном процессе информационные технологии используются преимущественно на судебных стадиях, но их применение уголовно-процессуальным законом регламентируется крайне лаконично, что приводит к негативной тенденции подзаконного регулирования данных вопросов через систему инструкций нормативно-методического характера [10, 18]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 – «допандемическом» – году при рассмотрении уголовных дел и материалов судами первой инстанции видеоконференцсвязь использовалась при рассмотрении 98 942 дел и материалов, по 459 668 уголовным делам использовалось аудиопроколирование судебного заседания, а по 38 883 делам – видеопроколирование¹.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>

В Республике Казахстан фактически с 2018 г. осуществляется производство по уголовному делу в электронном формате, но многие вопросы также регламентируются не на уровне уголовно-процессуального закона, а на уровне подзаконных актов. В целом исследователи позитивно оценивают первый опыт цифровизации уголовного процесса [27], указывают, что переход к уголовному делу снизит коррупционные риски и риски волокиты по уголовным делам [15].

Уголовно-процессуальное законодательство Германии (*Strafprozeßordnung*) допускает подачу в органы прокуратуры и суд электронных документов, отвечающих определенным требованиям, однако полный переход к безбумажному электронному документообороту намечен не ранее 2026 г.¹

В целом можно достаточно обоснованно предположить, что пандемия даст наибольший толчок для развития именно данного направления, поскольку его разработка способствует бесперебойному функционированию уголовного судопроизводства в условиях социального дистанцирования.

4. Наиболее дискуссионным направлением цифровизации уголовного процесса являются попытки внедрения технологий искусственного интеллекта (гибридного интеллекта) в процесс принятия и прогнозирования процессуальных решений. Появление сообщений о возможностях нейросети с достаточной долей вероятности предугадать решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), иные заявления о возможной замене судей современными технологиями вызвали к жизни опасения ученых относительно роботов-судей [28]. К сожалению, в суть проведенного эксперимента по прогнозированию решений ЕСПЧ юристы вникают редко и упускают тот факт, что прогнозирование ограничивалось лишь оценкой приемлемости поступивших жалоб в зависимости от определенных слов-маркеров в тексте жалобы [29].

В отдельных государствах наработан определенный опыт использования искусственного интеллекта при производстве по уголовным делам. Однако у правоприменителей его использование вызывает не меньше вопросов, чем у ученых. Например, в отдельных штатах США применяется система *Public Safety Assessment Risk Factors and Formula*, которая представляет собой алгоритм оценки риска оставления обвиняемого до суда под залогом. Этот алгоритм может применяться судом при решении вопроса о заключении под стражу, что должно помочь разгрузить чрезвычайно переполненные тюрьмы. В качестве риск-факторов данная система оценивает возраст, тяжесть преступления, характер предъявленного обвинения, наличие предыдущих судимостей, шанс уклонения от явки в суд. Судья может согласиться с выводами, предлагаемыми системой, но также может принять решение самостоятельно².

¹ German Code of Criminal Procedure. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html.

² Public Safety Assessment: Risk Factors and Formula. URL: <https://craftmediabucket.s3.amazonaws.com/uploads/PDFs/PSA-Risk-Factors-and-Formula.pdf>.

Полагаем, что развитие данного направления действительно требует осторожности, поскольку не должно посягать на ряд базовых принципов, значимых для уголовного процесса многих государств, в частности на принцип независимости судей, который исключает любое влияние на судью при принятии решения по делу [30].

Если говорить о перспективах цифровизации российского уголовного процесса, то ее реализация будет зависеть от нескольких условий. Во-первых, требуется более продуктивная научная дискуссия по данной проблеме, предполагающая в том числе привлечение специалистов технического профиля и освобождение полемики от чрезмерно эмоциональных оценок. На наш взгляд, здесь контрпродуктивны обе крайности: и недооценка влияния информационных технологий, и их переоценка в качественном изменении уголовного судопроизводства. При этом должно сохраняться и понимание как того, что с помощью технологий все же революцию в уголовном процессе совершить достаточно сложно и маловероятно, так и того, что уровень его цифровой трансформации будет определяться уровнем развития современных технологий с сохранением определенного отставания от этого уровня в силу значительной инертности юридической системы.

Достаточно сложной проблемой в этом аспекте является и вопрос о доктринальной и нормативной коннотации используемых терминов. Терминология, заимствованная в силу объективных причин из английского языка, непривычна для отечественных ученых и правоприменителей, поэтому языковые кальки с английского часто получают негативные оценки. Действительно, русские варианты «цифровой суд», «цифровое правосудие» режут слух, однако могут быть использованы в том или ином контексте, раскрывающем значение и сущность данных понятий. Вряд ли удачным можно признать заикливание в научной дискуссии именно на терминологии. Что же касается легальных понятий, то здесь, наоборот, необходима кропотливая работа по их подведению под определение, которое будет четко и ясно раскрывать в тексте уголовно-процессуального закона понятие для правоприменителя. К сожалению, уровень законодательной техники, применяемой при конструировании норм российского уголовно-процессуального закона, не выдерживает никакой критики и ведет, например, к тому, что видеоконференцсвязь не используется более широко не столько в силу организационно-технических препятствий, сколько в силу схематичности определения процедурных правил ее применения.

Во-вторых, для успешной адаптации правоприменителей в сфере уголовного судопроизводства к сложившимся сложным эпидемиологическим обстоятельствам необходимо внесение ряда изменений и дополнений в действующее законодательство, в частности в уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие принципы уголовного судопроизводства. Вспышка COVID-19 привела к тому, что была не просто затруднена, а практически остановлена отправка корреспонденции в Европейский суд по правам человека, что привело к принятию решения о пролонгации установленных для подачи жалоб в ЕСПЧ сроков. Описанные выше обстоятельства указы-

вают на необходимость урегулирования вопроса о соблюдении разумности сроков судопроизводства в рамках производства по уголовному делу на территории Российской Федерации. На данный момент правовая позиция ЕСПЧ в части разумности сроков производства по делу заключается в целевой установке данной гарантии – защите всех сторон от чрезмерного затягивания судебной процедуры, чтобы лицо, которому предъявлено обвинение, не находилось слишком долго в состоянии неопределенности [31. С. 130]. Существует достаточное количество решений ЕСПЧ в этой части, касающихся:

- расчета времени (например, Постановление ЕСПЧ по делу «Коршунов (Korshunov) против Российской Федерации»)¹;

- понимания разумности длительности разбирательства (например, Постановление ЕСПЧ по делу «Шухардин (Shukhardin) против Российской Федерации»)²;

- оценки критериев разумности, отраженных в УПК РФ.

Вместе с тем изменяющиеся реалии указывают на необходимость учета и сложной эпидемиологической обстановки, что нуждается в расширении обстоятельств, учитываемых при определении разумности сроков производства.

В-третьих, значимым для цифровизации уголовного судопроизводства будет и предварительное исследование прогнозируемых рисков, связанных с нарастанием этого процесса, и, соответственно, понимание того, какие нормативные, организационные, технические и материальные основания необходимы для снижения негативных последствий цифровизации, в том числе обсуждение вопросов, связанных с применением общих правил российского как досудебного, так и судебного производства, обеспечением прав участников процесса, принципов гласности, непосредственности судебного разбирательства и др. Приведем только один пример. В 2017 г. Верховный Суд США рассматривал жалобу заключенного из штата Висконсин Эрика Лумиса, осужденного на 6 лет, который полагал, что применение статистического алгоритма COMPAS для оценки риска совершения преступления того или иного обвиняемого после освобождения нарушает его право на надлежащую правовую процедуру. В частности, заявителем обжаловалось наличие среди 137 факторов, учитываемых алгоритмом, признака «пол», поскольку гендерные аспекты учитывались при анализе риска рецидива при освобождении. Заключенный указал, что использование программного обеспечения не позволяет индивидуализировать приговор и нарушает право осужденного на определение наказания на основании точной и полной информации. Несмотря на то, что жалоба была отклонена, поскольку не было установлено, что суд при принятии решения по делу

¹ Коршунов (Korshunov) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 25.10.2007 (жалоба № 38971/06) // СПС КонсультантПлюс.

² Шухардин (Shukhardin) против Российской Федерации : Постановление ЕСПЧ от 28.06.2008 (жалоба № 65734/01) // СПС Консультант Плюс.

Лумиса ориентировался на алгоритмическое предсказание, она показала, что субъекты уголовного процесса могут рассматривать технологии как угрозу своим правам и активно заявлять об этом в процессуальном порядке. Более того, данная ситуация породила дискуссию среди юристов о необходимости поиска баланса между использованием такой технологии и реализацией права подсудимого на надлежащую правовую процедуру [32]. Это только один из рисков, которые неизбежно сопровождают цифровизацию уголовного судопроизводства. Заслуживают внимания и учета и другие риски, например связанные с несанкционированным доступом к данным предварительного расследования или судебного разбирательства, в том числе и к персональным данным.

В-четвертых, если мы хотим обеспечить цифровую трансформацию уголовного процесса, то придется решить и проблему цифровой компетентности (а часто и некомпетентности) правоприменителя. Хотя современные технологии становятся все более адаптированными к уровню технологической грамотности массового пользователя, потребуются определенные обучение, переподготовка, повышение квалификации и следователей, и прокуроров, и судей, и работников аппарата суда. В любом случае, чтобы расследовать киберпреступление, следователь должен понимать механизм его совершения. Изучение юристами вопросов кибербезопасности, возможностей использования искусственного интеллекта, технологий распределенного реестра в судопроизводстве является важным условием разумного и эффективного использования достижений цифрового общества в уголовном процессе. Неслучайно в конце марта 2020 г., когда наметился переход американских судов к «виртуальному правосудию» и работе в удаленном формате, некоторые общественные организации, сотрудничающие с системой правосудия (Национальная ассоциация судопроизводства, Национальный центр государственных судов, Совет по уголовному правосудию, Институт судебного менеджмента) и стремившиеся минимизировать воздействие пандемии на отправление правосудия, начали проводить ряд мероприятий информационно-образовательного характера, например проведение веб-семинаров, на которых судьям, в частности, показывали возможности использования современных технологий в осуществлении правосудия в условиях введенных ограничений на социальные контакты, но с сохранением конституционных прав граждан [33].

Неслучайно постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66 новая коронавирусная инфекция (COVID-19) внесена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Пандемия приблизила нас к пониманию того, что государства должны пересмотреть свои стратегии в отношении судебной системы и предусмотреть механизмы, позволяющие в условиях любых ситуаций, отклоняющихся от стандартных, обеспечить непрерывное функционирование системы уголовного судопроизводства и равный доступ граждан к правосудию. 2020 год показал, что такая работа должна носить плановый характер, когда изначально учитываются как риски для функционирования собственно

судебной системы, так и риски, связанные с нарушениями прав граждан, угрозой их жизни и здоровью.

Литература

1. Талапина Э.Л. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
2. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т.11, № 3. С. 587–595
3. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 461–476.
4. Allen G., Chan T. Artificial Intelligence and National Security. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School, 2017. 120 p. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf>
5. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.
6. Wong Peck. E-Justice – Transforming the Justice System. Australian Institute of Judicial Administration Law & Technology Conference. Sydney, 2008. URL: <http://www.aija.org.au/Law&Tech%2008/Papers/Peck.pdf>
7. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.
8. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
9. Желева О.В. Критерии использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3. С. 9–19.
10. Марковичева Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2017. № 3 (131). С. 88–95.
11. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
12. Власова В.С. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.
13. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 214–224.
14. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15.
15. Беляева И.М., Кусаинова А.К., Нургалиев Б.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2018. Т. 18, № 2. С. 7–12.
16. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3. С. 27–38.
17. Нургазинов Б.К., Исагулов К.Е. Некоторые вопросы совершенствования института дистанционного допроса в казахстанском уголовном процессе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 1. С. 82–90.
18. Марковичева Е.В. Использование видеоконференцсвязи в российском уголовном процессе // Российское правосудие. 2019. № 7. С. 88–93.

19. Stratton G., Powell A., Cameron R. Crime and Justice in Digital Society: Towards a “Digital Criminology” // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2017. № 6 (2). С. 17–33.

20. Hollywood J.S., McKay K.N., Woods D., Agniel D. Real-Time Crime Centers in Chicago: Evaluation of the Chicago Police Department's Strategic Decision Support Centers. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3242.html

21. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И.Г. Смирнова; отв. ред. О.А. Егерева, Е.М. Якимова. М. : Юрилитинформ, 2016. 312 с.

22. Mugisha D. Digital forensics: Digital Evidence in Judicial System // *International Journal of Cyber Criminology* 4(DF). 2019. Vol. 47 DF. URL: https://www.researchgate.net/publication/332245703_DIGITAL_FORENSICS_Digital_Evidence_In_Judicial_System.

23. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // *Юридический вестник Самарского университета*. 2017. Т. 3, № 3. С. 107–110.

24. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрилитинформ, 2019. 383 с.

25. Tosza S. All evidence is equal, but electronic evidence is more equal than any other: The relationship between the European Investigation Order and the European Production Order // *New Journal of European Criminal Law*. 2020. Vol. 11 (2). P. 161–183.

26. Масленникова Л.Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 1. С. 70–87.

27. Akhmetov A.T. et al. Retrospective Review of Information Technologies in the Criminal Code of Kazakhstan // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020. Vol. 9, № 5. P. 1545–1550.

28. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // *Российское правосудие*. 2018. № 6. С. 15–25.

29. Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Using machine learning to predict decisions of the European Court of Human Rights // *Artificial Intelligence and Law*. 2019. № 28 (2). P. 237–266

30. Смирнова И.Г., Казарина М.И. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства через призму защиты прав личности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. С. 26–30.

31. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.

32. Washington A. How to Argue with an Algorithm: Lessons from the COMPAS ProPublica Debate // *The Colorado Technology Law Journal*. 2019. Vol. 17 (1). URL: <https://ssrn.com/abstract=3357874>

33. Baldwin J.M., Eassey J.M., Brooke E.J. Court Operations during the COVID-19 Pandemic // *American Journal of Criminal Justice*. 2020. Vol. 45. P. 743–758.

Markovicheva Elena V., Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation), *Smirnova Irina G.*, Russian State University of Justice (East Siberian Branch) (Irkutsk, Russian Federation)

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL JUSTICE

Keywords: criminal procedure, COVID-19 pandemic, court, digital technologies, electronic justice, electronic criminal case.

A common trend in the development of criminal proceedings over the last decade has been the penetration of modern digital technology. To a certain extent, the digitalisation of criminal proceedings has been a natural consequence of a qualitative change in crime and an increase in the number of offences committed through the use of modern technology. However, the degree of digitalisation of the criminal process varies considerably from state to state. The COVID-19 pandemic that has engulfed the world has severely challenged courts and law enforcement agencies. The criminal justice system has been confronted with unforeseen challenges and new procedural tools have to be found to address them. The resolution of the contradiction between social distance and the right of citizens to access to justice forced courts to use modern information technology more frequently. However, the pandemic has also revealed organisational and regulatory difficulties that make their use difficult.

The authors believe that further scientific development of the problems of digitalization of criminal proceedings will contribute to the smooth administration of justice in criminal cases, even in emergency situations and special regimes. The article analyses prospective directions of digitalization which will contribute to the optimization of criminal proceedings. These directions include application of digital technologies for detection and investigation of crimes, criminal evidence, optimization of routine processes in criminal proceedings and use of artificial intelligence in making procedural decisions. The authors emphasise that the main factor limiting the use of digital technology is the significant lag in the regulatory framework that does not allow the use of a particular technology in the due process of law.

The authors propose to regulate by law the issue of determining the reasonableness of the duration of court proceedings, taking into account the epidemiological situation. In conclusion, we substantiate a system of conditions, the fulfilment of which will be a prerequisite for the productive digitalisation of Russian criminal procedure in the post-pandemic era. Key issues are suggested for further constructive scientific discussion, the results of which should be reflected in legislation.

References

1. Talapina, E.L. (2018) Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Zhurnal rossyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 5–17. (In Russian). DOI: 10.12737/art_2018_2_1
2. Zuev, S.V. & Nikitin, E.V. (2017) Information technologies in solving criminal procedure problems. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11(3). pp. 587–595. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595
3. Mosechkin, I.N. (2019) Artificial intelligence and criminal liability: problems of becoming a new type of crime subject. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 3. pp. 461–476. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu14.2019.304
4. Allen, G. & Chan, T. (2017) *Artificial Intelligence and National Security*. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. [Online] Available from: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf>
5. Kravtsov, D.A. (2018) Artificial intelligence: crime prevention and prediction. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 108–110. (In Russian).
6. Wong Peck. (2008) *E-Justice – Transforming the Justice System*. Australian Institute of Judicial Administration Law & Technology Conference. Sydney. [Online] Available from: <http://www.aija.org.au/Law&Tech%2008/Papers/Peck.pdf>
7. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic criminal case as a tool for development of criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2(106). pp. 95–101. (In Russian).
8. Pastukhov, P.S. (2015) Electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 149–153. (In Russian).

9. Zheleva, O.V. (2020) The Criteria of Using Information Technologies in Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 3. pp. 9–19. (In Russian).

10. Markovicheva, E.V. (2017) Prospects for introduction of elements of e-justice in the Russian criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 3(131). pp. 88–95. (In Russian).

11. Golovko, L.V. (2019) The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10002

12. Vlasova, V.S. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18. (In Russian).

13. Maslennikova, L.N. & Sushina, T.E. (2020) Experience of Criminal Proceedings Digitalization in the Federal Republic of Germany and Possibilities of its Use in the Criminal Proceedings Digitalization in Russia. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 6(115). pp. 214–224. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.214-224

14. Andreeva, O.I. & Kachalova, O.V. (2020) Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/1

15. Beliaeva, I.M., Kusainova, A.K. & Nurgaliyev, B.M. (2018) Problems of introduction of the electronic format of criminal investigation in the republic of Kazakhstan. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo – Bulletin of South Ural State University. Law*. 18(2). pp. 7–12. (In Russian). DOI: 10.14529/law180201

16. Gavrillin, Yu.V. & Pobedkin, A.V. (2019). Modernization of criminal procedure in the information society. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 3. pp. 27–38.

17. Nurgazinov, B.K. & Ismagulov, K.E. (2018) Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya instituta distantsionnogo doprosa v kazakhstanskom ugovolnom protsesse [Some issues of improving the institute of remote interrogation in the Kazakh criminal process]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*. 1. pp. 82–90.

18. Markovicheva, E.V. (2019) The use of videoconferencing in the russian criminal process. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 7. pp. 88–93. (In Russian).

19. Stratton, G., Powell, A. & Cameron, R. (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a “Digital Criminology”. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 6(2). pp. 17–33. DOI: 10.5204/ijcjsd.v6i2.355

20. Hollywood, J.S., McKay, K.N., Woods, D. & Agniel, D. (2019) *Real-Time Crime Centers in Chicago: Evaluation of the Chicago Police Department's Strategic Decision Support Centers*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. [Online] Available from: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3242.html

21. Egereva, O.A. & Yakimova, E.M. (2016) *Kiberprestupnost': kriminologicheskii, ugovolno-pravovoy, ugovolno-protsessual'nyy i kriminalisticheskiy analiz* [Cybercrime: criminological, criminal, procedural and forensic analysis]. Moscow: Yurilitinform.

22. Mugisha, D. (2019) Digital forensics: Digital Evidence in Judicial System. *International Journal of Cyber Criminology 4(DF)*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/332245703_DIGITAL_FORENSICS_Digital_Evidence_In_Judicial_System.

23. Olinder, N.V. (2017) On the issue of evidences containing digital information. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 3(3). pp. 107–110. (In Russian).

24. Zueva, S.V. (ed.) (2019) *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow: Yurilitinform.

25. Tosza, S. (2020) All evidence is equal, but electronic evidence is more equal than any other: The relationship between the European Investigation Order and the European Pro-

duction Order. *New Journal of European Criminal Law*. 11(2). pp. 161–183. DOI: 10.1177/2032284420919802

26. Maslennikova, L.N. (2020) First results of the scientific project no. 18-29-16018 “The concept of forming up criminal proceedings providing access to justice in the conditions of digital technologies development”. *Lex Russica*. 73(1). pp. 70–87. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.070-087

27. Akhmetov, A.T. et al. (2020) Retrospective Review of Information Technologies in the Criminal Code of Kazakhstan. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 9(5). pp. 1545–1550. DOI: 10.14505/jarle.v9.5(35).05

28. Kleandrov, M.I. (2018) Razmyshleniya na temu: mozhet li sud'ey byt' robot? (Reflections: can a robot be a judge?) *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 6. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2018.6.15-25

29. Medvedeva, M., Vols, M. & Wieling, M. (2019) Using machine learning to predict decisions of the European Court of Human Rights. *Artificial Intelligence and Law*. 28(2). pp. 237–266. DOI: 10.1007/s10506-019-09255-y

30. Smirnova, I.G. & Kazarina, M.I. (2019) Independence of judges as a principle of criminal proceedings through the prism of protection of individual rights. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 3. pp. 26–30. (In Russian).

31. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.

32. Washington, A. (2019) How to Argue with an Algorithm: Lessons from the COMPAS ProPublica Debate. *The Colorado Technology Law Journal*. 17(1). [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3357874>

33. Baldwin, J.M., Eassey, J.M. & Brooke, E.J. (2020) Court Operations during the COVID-19 Pandemic. *American Journal of Criminal Justice*. 45. pp. 743–758. DOI: 10.1007/s12103-020-09553-1